

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**БЕЛОРУССКОЕ
НЕБО**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Белорусское небо / Сергей Зверев. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с. — (Лесная гвардия. Романы
о партизанской войне).

ISBN 978-5-04-243681-9

1941 год. Небольшой партизанский отряд капитана Романчука, стихийно сформировавшийся на территории Польши из сбежавших узников концлагерей, скрытно перебирается в оккупированную немцами Белоруссию. Здесь бойцы планируют продолжить борьбу с захватчиками. Один из освобожденных партизанами мирных жителей сообщает, что в деревне неподалеку полиция держат в плену советского летчика. Его самолет был подбит во время разведывательного полета. Пилоту грозит смерть. Романчук с товарищами решают помочь пленнику. Но как это сделать, когда кругом вражеские посты? Дерзкий план рождается, как всегда, неожиданно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243681-9

© Зверев С., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

— Ешь, ешь, доченька! — Елизавета смотрела с нежностью на дочь, поглаживая ее то по худому плечу, то по волосам.

За эти несколько дней состояние Светланы немало улучшилось: стали исчезать головокружения, перестало периодически темнеть в глазах. Но тело все еще было слабым. И сейчас в товарном вагоне мать пыталась заставить Светлану доесть разогретую на железной печке жирную тушенку. Романчук в углу о чем-то спорил с особистом Сорокой, что-то доказывал ему, а сын Игорь сидел рядом и хмуро с явным неодобрением посматривал на спорящих. Лещенко с Бурсаком стояли возле бокового люка товарного вагона и смотрели на пронесившиеся мимо леса и степи. Немецкий эшелон с лошадьми шел не очень быстро, но за по-

следние сутки ни разу не остановился. Это радовало беглецов — хотелось убраться как можно дальше от оккупированной Польши, добраться до своих, снова взять оружие и вместе с Красной армией бить ненавистного врага.

Многие в отряде хлебнули горя в фашистском плену. И сам лейтенант Канунников, и оба инженера, и дочь командира Светлана — все прошли через ад фашистского концлагеря. И сейчас в этом вагоне, куда партизанам удалось забраться в последний момент перед отходом эшелона, каждый думал о своем. Романчук с особистом, как всегда, спорили о том, как действовать дальше, Игорь верил отцу — капитану-пограничнику — и готов был сражаться где угодно. Жена Романчука Елизавета немного ожила, когда удалось спасти дочь, и теперь все свое время проводила возле Светланы, выхаживая ее, используя свои медицинские познания.

С двумя немецкими солдатами, которые находились в этом вагоне и должны были во время всего пути ухаживать за шестью лошадьми, удалось расправиться быстро и без шума. Тела выбросили в заснеженной степи во время движения еще в Польше. Продуктов в вагоне было не очень много, и рассчитаны они были на два рта, да и срок по-

БЕЛОРУССКОЕ НЕБО

ездки, видимо, был не очень большой. Это больше всего беспокоило Канунникова. Он все время предлагал покинуть эшелон, даже если для этого придется прыгать на ходу.

Спокойнее всех себя вела спортсменка Зоя Лулева. Она занималась до войны пятиборьем и любила лошадей. И все время, пока партизаны находились в вагоне, она не отходила от загона. Она кормила их, гладила. И лошади, кажется, признали ее, позволяли расчесывать гривы, гладить себя. Лещенко и Бурсак спрыгнули на пол с деревянного ящика, с которого вели наблюдение за окружающими ландшафтами, и подошли к командиру. Сорока, насупившись, сразу замолчал. Романчук, видать, снова не соглашался с его мнением.

— Командир, — уверенно заговорил Николай, — мы уже на советской территории. Это точно. Мы высчитали примерную скорость по телеграфным столбам — состав идет в среднем со скоростью 30—40 километров в час, но не останавливаясь. Мы минимум проехали семьсот километров. И если учесть извилистость железнодорожного пути, что дорога петляет и идет то на север, то на восток, мы по прямой от точки отправления все равно удалились на восток километров на 400.

Мы дома, командир. Это наверняка советская Белоруссия.

— Я согласен с ребятами, — кивнул Канунников. — Очень часто видны были сожженные деревни и села. Это Польша сразу сдалась Гитлеру, а здесь шли бои, сражалась до последнего Красная армия. Я видел разрушенные позиции под снегом, подбитые танки. Наши танки — «бетушки» и «тридцатьчетверки».

— Мы не сможем с женщинами прыгать на ходу, — покачал капитан головой. — А ждать остановки эшелона нельзя. Во время стоянки наружу выйдет охрана, часовые станут у каждого вагона.

— Наш вагон последний, — с улыбкой Лещенко переглянулся со своим молодым товарищем. — А если мы отцепим его на ходу, и когда он, двигаясь по инерции, наконец остановится, мы просто спустимся на землю и уйдем.

— Мы можем попробовать спустить лошадей, и тогда у нас будет транспорт, — бойко добавила Зоя. — Мне кажется, я смогу заставить их выпрыгнуть из вагона без помоста. Главное, вон того гнедого жеребца заставить, он у них здесь вожак. Остальные могут последовать за ним.

— Светлана, ты как? — Романчук повернулся к дочери, которая жадно слушала разговор мужчин.

БЕЛОРУССКОЕ НЕБО

— Я смогу, папа, я справлюсь, — заверила девушка, пытаясь на локтях подняться на лежанке, но Елизавета уложила ее обратно.

Никто не стал возражать, а капитан Сорока даже обрадовался и стал энергично обсуждать, что и как взять из вагона с собой в дорогу. Никто не говорил о том, что придется идти в лес, в степь после относительно теплого убежища. Хотя и щели в вагоне, иногда снег задувает, но все же с железной печкой и запасом дров можно было согреться. Да и горячая пища тоже помогала согреваться. А каково будет, когда придется покинуть вагон?

Зоя стала перебирать конскую упряжь. Седел не было, видимо, лошади все же предназначались не для верховой езды, но уздечки висели на стене вагона. Девушка уже давно решила, что первыми будет пробовать вывести из вагона гнедого жеребца и молодую крепкую кобылку, которая все это время стояла рядом с вожакom. Лошади не возражали, когда Зоя взялась взнуздывать их.

Лещенко и Бурсак оделись потеплее и осторожно через боковой люк под потолком выбрались на крышу вагона. Ночь была пасмурная, им вокруг, кроме белой мглы, нечего видно не было. Ветер рвал и доносил до последнего вагона обрывки клубов паровозного дыма. Помогая друг другу, не

торопясь, чтобы не сорваться на ледяном железе, инженеры спустились на сцепку между вагонами. Нужно было подождать, когда состав сбросит скорость или войдет в кривую часть пути, желательно между двумя лесными массивами. Не хотелось бы, чтобы немцы раньше времени заметили, что потеряли один вагон.

— Подожди, не лезь, — остановил друга Лещенко. — Подождем, может, тормозить начнет, тогда легче будет.

Бурсак пожал плечами и встал, держась за скобы. Николай был прав, ведь поезд часто тормозил. Другое дело, что стоять было холодно, и когда заморозит на ветру, то руки и ноги будут плохо слушаться. Так недолго и упасть. Железнодорожное полотно стало изгибаться, и паровоз вдруг исчез, оставляя над лесом лишь белый дым из своей трубы. Лес! Состав втягивается в лес. Стоять долго не пришлось, потому что состав стал притормаживать. После нескольких попыток удалось разъединить сцепное устройство. Лязгнул металл, и вагон стал медленно отделяться от состава.

— Плохо, что лес кругом, сугробы! — крикнул Сенька. — Насыпь высокая, лошади ноги поломают, прыгая с такой высоты.

БЕЛОРУССКОЕ НЕБО

— Они не дураки, — ежась на ветру и втягивая голову в плечи, отозвался Лещенко. — Если опасно, то ты их прыгать не заставишь.

Поезд стал набирать скорость. Вот уже вагон отстал на метр, потом на два метра. Инженеры переглянулись и, согласившись друг с другом, снова полезли на крышу вагона. Из люка показалась голова Канунникова.

— Ну что, ребята? Получилось?

— Порядок, лейтенант, — отозвался Бурсак. — Помогите забраться, руки и ноги не слушаются. Закоченели все.

Инженеров затащили в вагон. Попадав на сено, они подобрались к горячей печке, протягивая к ее железным бокам покрасневшие руки. Елизавета и Зоя уже наливали в кружки горячий чай. Романчук с лейтенантом откатали немного одну дверь и стали всматриваться в ночь. Лесной массив закончился, и железнодорожные пути снова потянулись через открытый участок. Что было вдаль, не разглядеть. Постукивали колеса на стыках рельсов, гул состава уже исчез где-то впереди, и сейчас слышался только шум ветра. Ни огонька, никаких признаков городов или сел, даже просто одинокого жилья. Но все равно в душе каждого сейчас звучало: Родина, мы дома, добрались...

В тишине морозной ночи вагон катился по рельсам все медленнее и медленнее, и только металлический звук колес заставлял сжиматься сердце: ну скорее же, скорее останавливайся. Еще несколько минут, и товарный вагон наконец замер. Первыми с автоматами на изготовку выпрыгнули из вагона Канунников и инженеры. Снега под ногами было не очень много. Сугробы намело лишь там, где был кустарник, и в овражках. В пределах видимости никакого жилья: ни огонька, ни лая собак.

— Отойдите, — послышался голос Зои.

Девушка подвела к краю вагона гнедого жеребца, держа его под уздцы. Конь храпел, пытался, крутил головой и никак не хотел прыгать в снег. Увы, сделать настил, чтобы спокойно свести по нему коня, было не из чего. Романчук и Сорока помогли спуститься женщинам, последним спрыгнул Игорь, подав вниз несколько автоматов и ящик с патронами.

— Зоя, брось! — крикнул юноша Луневой. — Ты же видишь, не пойдет он. Высоко!

— Высоко? — сердитым голосом ответила девушка. — А вы видели, как лошади умеют прыгать?

И тут Зоя решительно запрыгнула на спину гнедого, властной рукой подобрала повод, остановила жеребца, который крутился под ней вправо

БЕЛОРУССКОЕ НЕБО

и влево. А потом ударила пятками под бока, хлестнула поводом, и жеребец, заржав, храбро бросился в снег. Он присел на передние ноги, и всем показалось, что гнедой сейчас рухнет, полетит через голову и придавит Лизу, но конь удержался, подпрыгнул и оказался на ногах. Гордо выгибая шею, гнедой прошелся по снегу боком и снова призывно заржал. И тут, на удивление всем, молодая кобылка тоже прыгнула вперед, по шею зарывшись в свежий снег. Лейтенант, спотыкаясь и падая в снегу, успел подбежать к лошади и схватить ее под уздцы.

— Ну ты и наездница! — восхищенно крикнул он Зое. — Кавалерист-девица! Как в войну тысяча восемьсот двенадцатого года была такая же храбрая девушка.

Как ни старались партизаны, сколько ни пробовала Зоя сводить лошадей под уздцы, садиться верхом и понукать прыгать в снег, больше покинуть вагон никому из лошадей не удалось. Романчук приказал оставить лошадей в покое. Сделав из двух матрацев вьючные мешки, туда сложили небольшое имущество партизан и перекинули через спину кобылы, которую тут же назвали Звездочкой из-за белого пятна на лбу. Жеребца окрестили Соколиком и на него посадили пока еще слабую Светлану.

Романчук повел отряд к лесу, который казался гуще, деревья в котором были выше. Люди шли, кутаясь в старенькие пальто и куртки, которые еще как-то выручали в Польше для того, чтобы ходить в них по городу. Но в чистом заснеженном поле они не спасали от холода, так же как не спасали тонкие брюки, городские ботинки. Люди старались идти быстро, чтобы хотя бы в движении согреться, но усталость быстро взяла свое. Романчук шел впереди и, часто оглядываясь, подбадривал:

— Идем, идем! Еще немного! В лесу будет теплее. Там нет ветра. Пока идем — не замерзнем.

Многих, даже лейтенанта Канунникова, начало одолевать отчаяние. «Ну дойдем до леса, а дальше что? А если немцы скоро придут за потерянными вагоном?» Они же все быстро поймут. И со свежими силами да на машинах или бронетранспортерах, они пеших уставших людей настигнут вмиг. И тогда конец, тогда останется только принять бой и погибнуть, забрав с собой на тот свет хоть немного врагов.

— Еще немного, товарищи, — говорил он вполголоса, идя вперед, наклонив голову и поднимая повыше воротник пальто. — Надо идти, идти надо.

Потом упал Сорока. Инженеры подхватили его под руки, но особист дышал с хрипом так тяжело,

БЕЛОРУССКОЕ НЕБО

что партизаны не решились его даже поднимать. Подошедший Романчук распорядился посадить капитана на Звездочку. Уставшие люди с трудом посадили Сороку, и колонна двинулась дальше. Никто не понимал, как долго они идут, сколько уже прошли километров. Может быть, отряд уже ходит по кругу в лесу, но следов пока не попадалось. Канунников надеялся, что командир как опытный пограничник выведет их в безопасное место, где можно будет передохнуть, может быть, немного согреться. Зоя Лунева, которая вела под уздцы гнедого, стала часто падать, проваливаясь в снег. Девушка устала, даже ее тренированный организм начал сдавать. Лещенко уже шел, опираясь на плечо своего молодого товарища. Только Игорь и Елизавета шли по обе стороны от Соколика и не отставали, готовые помочь Светлане, если она начнет падать с лошади. Канунников думал, что надо догнать Романчука и спросить его, что же дальше, но сил прибавить шага у него не было.

И тут командир остановился. Зоя едва удержала лошадь и упала сама, повиснув на поводьях Соколика. Люди дышали с трудом, с хрипом. Они стояли и смотрели на командира и только спустя почти минуту поняли, что увидел Романчук. Лес как будто расступился, и перед партизанами откры-

лась страшная картина последствий войны. Впереди над заснеженным руслом реки громоздились искореженные железные арки взорванного железнодорожного моста. На противоположном высоком берегу еще стояли опоры, а вот в русле реки и на пологом ближнем берегу все рухнуло. Железнодорожные пути уходили куда-то за лес, и, видимо, по ним давно никто не ездил. А примерно в километре от моста за лесочком виднелись какие-то разрушенные сооружения.

— Это когда-то было железнодорожным депо ремонта подвижного состава, — хрипло пояснил Лещенко, подойдя к командиру. — Все разбомбили, наверное, еще летом. Надо туда. Там хоть какой-то закуток без ветра можно найти. Люди уже падают от усталости.

— Да, пошли туда, — согласился Романчук.

От инфраструктуры станции не осталось ничего, только расщепленные шпалы, местами торчавшие из-под снега, да перекрученные рельсы. Ближе к реке, примерно в километре, торчали печные трубы. Видимо, там когда-то была деревенька. Само депо состояло из пяти длинных цехов, в каждый из которых можно было загнать по паровозу или по три-четыре вагона. Три цеха были просто развалены бомбами или артиллерийскими снарядами. Ме-

БЕЛОРУССКОЕ НЕБО

стами остались только стены. У четвертого пробита крыша, а вот у пятого она была почти цела. Даже тяжелые дубовые ворота на металлической раме находились на месте. И они были закрыты.

— Игорь, — Романчук позвал сына. — Отвечай за маму и Свету! Вы с Сорокой остаетесь здесь. Отведите лошадей на опушку и скройтесь за деревьями. Остальные за мной!

Зоя с готовностью бросилась за мужчинами, но командир остановился и взял девушку за плечи. Посмотрев ей в глаза, Романчук сказал:

— Зоя, ты единственная, кто умеет ладить с лошадьми. Ну, может, еще я могу с ними ладить. Без тебя, если с нами что-то случится, женщинам не уйти. Надеюсь на тебя. Останься!

— Хорошо, Петр Васильевич, — кивнула девушка, пытаясь скрыть разочарование.

Она снова повесила на плечо ремень автомата и, взяв под уздцы Соколика, повела его к деревьям. Игорь повел вторую лошадь, посматривая то на цеха, то на окружающий лес. Четверо партизан, разделившись на две группы, пошли обследовать остатки строений. Судя по тому, как все запорошено снегом и в воздухе не чувствуется свежего запаха гари, все, что здесь произошло, случилось в первый месяц войны. Странно, но холод пере-

стал чувствоваться. Может быть, его сменила легкая дрожь возбуждения от предчувствия возможного боя, а может быть, согреть стала кровь, которая буквально закипала в каждом. Если появится враг, то пощады не будет. Только смерть, только уничтожение.

Передвигались, как и положено по Уставу РККА, перебежками. Сначала Романчук с Бурсаком прикрывали, а Канунников и Лещенко перебегали к следующему укрытию, потом они занимали позицию для прицельной стрельбы и перебегали вперед их товарищи. Никого здесь не было, в этих разрушенных ремонтных цехах, но командир не хотел рисковать. И вот последняя перебежка к крайнему цеху, от которого остались только полторы стены. Романчук и Бурсак остановились перед развалинами. Капитан сделал знак инженеру замереть, а сам прошел до стены, отделявшей один цех от другого. Только камни, обломки бетона, ржавые металлические конструкции. Ни следов людей на снегу, ни следов животных. Хотя какие животные, когда все крупные с приближением войны убежали подальше на восток. И теперь в лесах ни волков, ни медведей, ни лосей с кабанами. Собак и тех в селах не осталось — немцы убивали их сразу, как только заходили в села. Если и выжили какие-то собаки, то

БЕЛОРУССКОЕ НЕБО

только те, что не захотели оставлять места, где жили с людьми, да те, кто поумнее и научились не лаять при приближении людей.

— Нет здесь никого, — тихо произнес Романчук, подойдя к лейтенанту и осмотревшись по сторонам. — И давно уже не было. С тех пор как тут разнесли все артиллерией или бомбами. Бои тут были, видишь! И мост взорвали, и деревенька вон у реки вся погорела. Только трубы торчат из земли.

— Может, укрытие какое-то найдем, — кивнул Канунников в сторону цеха, который наименее пострадал.

— Да что мы там сможем найти, — с ожесточением сплюнул командир. — Развалины, гарь, снег! Пошли посмотрим.

Четверо разведчиков осторожно пробрались через развалины и оказались у уцелевшего цеха. Ворота были изуродованы взрывом, сорваны с петель, но все еще оставались в вертикальном положении, закрывая проезд по рельсам внутрь большого ангара. Войти в ангар оказалось возможным через большой пролом в стене. Партизаны с удивлением увидели внутри цеха три грузовых вагона, видимо, когда-то загнанных для ремонта. Крыша была цела, и внутри почти не было строительного мусора.

— Смотрите, каптерка какая-то, — указал пальцем Лещенко на кирпичную стену с окном у дальней стены.

И когда разведчики подошли к стене, то, к своему изумлению и большой радости, увидели, что внутри цеха было построено помещение из кирпича, видимо, раздевалка и бытовка для рабочих. Но самое приятное было увидеть большую железную печку с трубой. В помещении имелось несколько лавок, большой стол и что-то вроде шкафчиков для одежды.

— Саша. — Командир с улыбкой провернулся к лейтенанту. — Возвращайся и веди всех сюда. Даже лошадей можно завести в цех, чтобы не оставлять на улице на морозе и на ветру. Здесь, в цеху, в любом случае теплее. У нас там трофейный топор и ручная пила есть, которые мы забрали у немцев. Будем разбирать вагоны, ломать доски и топить эту бытовку. Тут мы хоть в тепле окажемся.

Лошади отнеслись к развалинам настороженно, но все же позволили себя завести в цех под крышу. Зоя сама нашла место, где привязать животных так, чтобы они чувствовали рядом людей и до них не доносился запах гари. Она последней вместе с Игорем вошла в бытовку, где командир с Сококой уже разжигали печку и проверяли тягу. Вы-

БЕЛОРУССКОЕ НЕБО

рваться из рук фашистов и угореть от дыма у себя дома — это было бы очень глупо. Светлану посадили ближе к печке, а потом женщины принялись осматриваться в заброшенном помещении. Нашелся старый чайник, две кружки и три тарелки с одной ложкой. Канунников пропустил в бытовку инженеров с напиленными и наколотыми досками и закрыл дверь. Он стоял, прижавшись спиной к стене, и думал о том, что вот еще одно испытание позади, а сколько их будет еще. Хватит ли сил бороться до конца, до победы? И когда она будет? Но лейтенант верил, что победа будет обязательно, только вот цену придется заплатить за нее большую. И он готов был отдать свою жизнь за этих вот женщин, за матерей и детей всей страны. А все трудности, они ведь временные. Главное — другое, главное, что у отряда есть оружие, ненависть к врагам и желание сражаться. Значит, будет все, в том числе и победа.

— Саша. — Канунников как будто очнулся ото сна, услышав рядом женский голос. Зоя стояла и теребила его за рукав. — Саша, послушай, я никак не могу уговорить Петра Васильевича. Может, ты скажешь?

— Что? — лейтенант внимательно посмотрел на девушку. — Что ты говоришь, Зоя?

— Да я же про лошадей, — терпеливо сказала Зоя. — Они тоже устали, им еда нужна. Здесь они хоть и не на ветру, а кормить их все равно надо. Они нам пригодятся — это же транспорт!

— Да, да, ты права, конечно, — закивал Сашка. — Это здорово, что у нас получилось с лошадьми! Что у тебя получилось. Если бы мы всех смогли вывести из вагона, то у нас вообще получился бы конный отряд. Ты молодчина, Зоя!

— Слушайте, товарищ лейтенант, — вдруг нахмурилась девушка. — Я, между прочим, о лошадях думаю, я не напрашивалась на ваши похвалы! Я не об этом говорю!

— Да почему же мне тебя не хвалить? — устало рассмеялся Канунников. — Если молодец, то молодец. А о еде для лошадей подумаем, когда немного отдохнем. Сейчас главное — люди!

— И люди главное, и лошади, — отмахнулась Зоя. — Это же все связано. И вообще, я не спорить к тебе подошла, Саша. Когда мы проходили сюда, я видела у леса два стога.

Канунников удивленно уставился на Зою. Вот тебе и девушка, вот тебе и слабый пол. Пока мужчины, значит, еле ноги волочили, девушка успевала по сторонам смотреть и увидела сено для лошадей. Спортсменка, ничего не скажешь! А ведь права